

Ф.М. Достоевский в художественном сознании и критической деятельности В.Я. Брюсова

Наталия А. Дровалева

*Институт мировой литературы им. А.М. Горького
Российской академии наук, Москва, Россия, n.drovaleva@mail.ru*

Аннотация. Существующие современные исследования, как правило, посвящены отражению мотивов и образов произведений Ф.М. Достоевского в художественном творчестве В.Я. Брюсова. В предлагаемой работе особое внимание уделяется прямым высказываниям Брюсова на страницах критических работ, в письмах, дневниковых записях относительно личности и творчества писателя-классика, что позволяет заключить: Брюсов был не только внимательным читателем Достоевского, но и его исследователем. В отличие от других видных литературных деятелей рубежа XIX–XX вв. (И.Ф. Анненского, Д.С. Мережковского, А. Белого и др.) у Брюсова нет отдельной работы о Достоевском, однако Брюсов планировал подготовить специальную монографию – критическую работу, построенную на строго научных основаниях, которая, однако, не была осуществлена. В результате анализа автор статьи приходит к выводу, что в художественном сознании Брюсова Достоевскому принадлежит особое место. Для поэта искусство слова Достоевского – это искусство тайны, способное приоткрыть то, что происходит в самой глубине человеческой души. Кроме того, изучение особенностей творчества Достоевского стало особым фактором не только в выработке Брюсовым собственной поэтики, но и формировании его отношения к традициям поэтики писателей XIX в.

Ключевые слова: В.Я. Брюсов, Ф.М. Достоевский, литературная критика, художественное сознание, типы героев, проект книги

Для цитирования: Дровалева Н.А. Ф.М. Достоевский в художественном сознании и критической деятельности В.Я. Брюсова // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2020. № 9. С. 40–52. DOI: 10.28995/2686-7249-2020-9-40-52

F.M. Dostoevskii in the artistic conscience and criticism of V.Ya. Bryusov

Nataliya A. Drovaleva

*A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy
of Sciences, Moscow, Russia, n.drovaleva@mail.ru*

Abstract. The existing research is primarily dedicated to the reflections of motifs and images from Dostoevskii's works in V.Ya. Bryusov's art. This article focuses on Bryusov's direct quotes about Dostoevskii and his art from the pages of his critical works, correspondence and diary entries, which lead the author to the conclusion that Bryusov was not only an attentive reader of Dostoevskii but also a researcher of his work. Unlike other notable authors of the late 19th and early 20th centuries (I.F. Annenskii, D.S. Merezhkovskii, A. Belyi etc.), Bryusov didn't write a separate article on Dostoevskii, but he planned to write a monograph, a critical work, based on scientific foundations. However, he never finished it. This analysis leads the author to the conclusion that Dostoevskii held a special place in Bryusov's artistic conscience. For him Dostoevskii's literary craft was an art of mystery, capable of lifting the veil from the depths of a human soul. Additionally, the study of the features of Dostoevskii's art became an important factor in the formation of Bryusov's own poetics and in his approach to the traditions of poetics of the writers of 19th century.

Keywords: V.Ya. Bryusov, F.M. Dostoevskii, literary criticism, artistic conscience, types of characters, book project

For citation: Drovaleva, N.A. (2020), "F.M. Dostoevskii in the artistic conscience and criticism of V.Ya. Bryusov", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 9, pp. 40–52, DOI: 10.28995/2686-7249-2020-9-40-52

Введение

Можно с уверенностью заключить, что не было ни одного крупного русского литератора рубежа XIX–XX вв., прямо или косвенно не испытывавшего влияния Ф.М. Достоевского. Ю.И. Айхенвальд называл Достоевского покровителем времени: «Под черным знаком Достоевского, в его стиле движется наше время, Достоевского имеет оно своим патроном, или своим живым эпиграфом...» [Айхенвальд 1994, с. 242]. Неоспоримым фактом влияния идей писателя-классика литератор и критик А.К. Закржевский считал воплощение идей Достоевского в современных ему художественных произведениях и философских работах:

Он стал вдохновением и отправной точкой почти всех наших писателей, поэтов, философов, что современное религиозное сознание все целиком вышло из Достоевского, что творчество нынешнего времени буквально живет им, лишь видоизменяя и преображая его мысли, его откровенья, его бездонную и вечную глубину¹.

Современные научные исследования в основном рассматривают отражение в художественном творчестве В.Я. Брюсова тем и образов Достоевского [Агеносов, Ломтев 1992; Калениченко 2002; Панченко 1992; Юрьева 2003], на что обратил внимание еще Закржевский:

Брюсов – это музыка бесконечной ночи сладострастья, извращенности и восторгов пола. Это драгоценный, порфиноносный плащ, наброшенный на испугленность звериного, это таинственный ключ к тому, что было неясно даже для самого Достоевского².

Для Закржевского близость Достоевского и Брюсова заключается в пристальном внимании к тайнам человеческой души.

Косвенные противоречивые свидетельства о роли Брюсова как руководителя редакции журнала «Весы» в оценке творчества Достоевского, отразившихся в подборе критических текстов различных авторов – критиков и писателей Серебряного века, становятся предметом рассмотрения в диссертационном исследовании Е.Е. Захарова [Захаров 1999].

Однако вопрос о критическом восприятии Брюсовым творчества Достоевского до сих пор остается практически неосвещенным. В предлагаемой работе особое внимание уделено прямым высказываниям Брюсова относительно личности и творчества Достоевского, а также неосуществленному проекту по подготовке книги о Достоевском, материалы которого хранятся в фонде В.Я. Брюсова в НИОР РГБ³.

Ф.М. Достоевский в художественном сознании В.Я. Брюсова

В отличие от других видных литературных деятелей того времени (И.Ф. Анненского, Д.С. Мережковского, А. Белого и др.) у Брюсова нет отдельной критической работы о Достоевском.

¹ Закржевский А.К. Карамазовщина. Психологические параллели: Достоевский, В. Брюсов, В. Розанов, М. Арцыбашев // Искусство. 1912. С. II.

² Там же. С. 18.

³ НИОР РГБ. Ф. 386. К. 40. Ед. хр. 10.

Однако обращений Брюсова к творчеству Достоевского больше, чем может показаться на первый взгляд. Высказывания, которые можно найти на страницах критических работ Брюсова, в письмах, дневниках, позволяют заключить, что он был не только внимательным читателем Достоевского, но и его исследователем. Известно, что портрет Достоевского среди других немногочисленных портретов и рисунков был помещен на видном месте в редакции журнала «Весь» [Азадовский, Максимов 1976, с. 264].

Достоевский воспринимается Брюсовым как признанный классик русской литературы. В стихотворениях Достоевский (наряду с Пушкиным и Толстым) – титан русской культуры:

Иль мы – тот народ-часовой,
Сдержавший напоры монголов,
Стоявший один под грозой
В века испытаний тяжелых?

Иль мы – тот народ, кто обрел
Двух сфинксов на отмели невской,
Кто миру титанов привел,
Как Пушкин, Толстой, Достоевский?⁴

А мы, склоняясь на мягкие диваны,
В беседах изливали сердца жар,
Судили мы поэта вещей дар
И полководцев роковые планы, –

То Пушкин, Достоевский, Лев Толстой
Вставали в нашей речи чередой,
То выводы новейшие науки...⁵

Еще в 1896 г. Брюсов отмечает в дневнике: «Читал Толстого. Вот соотношение трех эпигонов гоголевской прозы. Тургенев рисует внешность, Достоевский анализирует больную душу, Толстой – здоровую. Эх, ежели бы из трех да одного!»⁶. Через несколько дней Брюсов дополняет свои рассуждения следующим образом:

...Тургенев описывает лиц, какие жили в его время; чутьем поэтическим он угадывает, что такой-то сказал бы или сделал в таком-то

⁴ Брюсов В.Я. Собр. соч.: В 7 т. Т. 2. М.: Худ. лит., 1973. С. 141.

⁵ Там же. Т. 3. М.: Худ. лит., 1974. С. 343.

⁶ Брюсов В.Я. Дневники. Автобиографическая проза. Письма. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. С. 40.

положении, угадывает – но души их не знает. Толстой знает душу обыкновенных людей, смело говорит, что всякий знает, но сказать не смеет, что таится на душе у всякого. Достоевский знает душу исключительных людей⁷.

Писатель воспринимается как знаток глубинной психологии человека. Пожалуй, в своих нераспространенных дневниковых записях Брюсов одним из первых наметил противопоставление Достоевского с его «болезнью» и Толстого с его «здоровьем».

Брюсов отмечает иное мироощущение Достоевского по отношению к А.С. Пушкину и Н.В. Гоголю. Он не только указывает на внимание Достоевского к человеческой психике, но и видит в этом принципиальное новаторство – вызов искусству тайны, о чем немало размышлял и сам Брюсов:

Самые дерзновенные протесты Достоевского, колеблющие основы всего, чем тысячелетия жило человечество, перенесены в глубь интимных переживаний, затаены в индивидуальном сознании, и не случайно действие большинства романов Достоевского развивается в каком-нибудь маленьком провинциальном городке: им еще не было места на мировой арене⁸.

Брюсов отмечает, что для выражения основных идей современности в поэзии необходим такой же качественный скачок в выражении нового содержания в новой форме, какой был сделан Достоевским в прозе. Высоко оценивает Брюсов и язык Достоевского:

Исправ<ил> я только слог. У нас почти не знают правильного прозаического слога. Кроме Пушкина и Лермонтова, – никто, пож<а>луй?>, не писал правильно по-русски. Найдутся отрывки, дивные по стилю, – например, у Достоевского – но я знаю автора, у которого можно было бы учиться языку [Литературное наследство 1991, с. 822].

Далее Брюсов планировал начать следующее предложение и вовсе со слов «У нас были дивн<ые> стилисты, как Достоевский, но не было» [Литературное наследство 1991, с. 822].

В одном из писем к А.А. Курсинскому в связи с осмыслением общих закономерностей прозы русских и зарубежных писателей

⁷ Брюсов В.Я. Дневники. Автобиографическая проза. Письма. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. С. 41.

⁸ Брюсов В.Я. Мы переживаем эпоху творчества // Литературное наследство. Т. 85. М.: Наука, 1976. С. 220.

писатель отмечает особенности своей работы над элементами психологизма в художественном тексте:

Я не могу писать так, как писал Тургенев, Мопассан, Толстой. Я считаю нашу форму романа рядом условностей, рядом разнообразных трафаретов. Мне смешно водить за ниточки своих марионеток, заставляя их делать различные движения, чтобы только читатели вывели из этого: а значит у него (у героя) вот какой характер [Гречишкин, Лавров 1983, с. 7].

Однако в этот ряд Брюсов не включает Достоевского, искусство которого, вероятно, осмыслялось им в другом ключе. Анализируя в статье «Вехи. I. Страсть» (1904) любовную страсть, которая становится в восприятии Брюсова инструментом познания, поэт и писатель обращается к эпизоду из романа «Бесы»:

В «Бесах» есть один из тех безмерно далеко метящих намеков, которые Достоевский часто бросал в будущее. К Шатову вернулась жена, ушедшая от него, изменившая ему. <...> Но Арина Прохоровна, акушерка, женщина тогдашних передовых взглядов, хохочет над ним: «Эк напорол! Этак всякая муха тайна». Вот эти-то последние слова, лукаво вложенные Достоевским в уста Арины Прохоровны, и есть та стрела, которая перелетает над нашими головами, чтобы вонзиться в сердце какого-то поколения, которое придет после нас. Мы только смутно начинаем предчувствовать, что окружены тайнами, что живем в мире тайн⁹.

Далее Брюсов отмечает, что искусство становится ключами тайн. Для поэта искусство слова Достоевского – это искусство тайны, способное приоткрыть то, что происходит в самой глубине человеческой души.

Даже из приведенных нами немногочисленных примеров можно заключить, что в художественном сознании Брюсова Достоевскому принадлежит особое место. Результатом многочисленных обращений Брюсова к творчеству писателя-классика должна была стать обобщающая работа, которая, однако, не была осуществлена.

Проект монографии о творчестве Достоевского

Очевидно, что в начале 1916 г. Брюсов в очередной раз обращается к творческому наследию Достоевского. О пристальном внимании свидетельствует написание в 1916 г. стихотворного

⁹ Брюсов В.Я. Вехи // Весы. 1904. № 8. С. 25.

произведения «Лев и свинья», имеющего подзаголовок «Басня по Ф. Достоевскому». Это пересказ индийской басни, которая была помещена писателем на страницах «Дневника писателя». В письме, адресованном А.А. Измайлову, Брюсов указывает, что в первую очередь – «это дословное переложение Достоевского»¹⁰ (и только потом – басня). В тексте басни, где свинья, вызвавшая льва на дуэль, струсив, вывалилась в помоях (лев же, не захотев испачкаться, не стал бороться со свиньей), Достоевский «аллегорически наметил принципы, которым он будет следовать [Шипунова 2011, с. 247] в литературной и газетной полемике. Текст басни, как отмечает Н.Ф. Шипунова, был выделен Брюсовым квадратными скобками в IX томе собрания сочинений Ф.М. Достоевского [Шипунова 2011, с. 251].

В том же году (1916) Брюсов готовит проект книги о Достоевском, которую планирует издать уже в 1917 г.: «Написать эту книгу в течение лета 1916 г.; обработать осенью того же года; приготовить к печати к весне 1917 г. Отдельные главы можно печатать зимой 1916–1917 г.»¹¹. Однако этим планам не суждено было сбыться. В течение 1916 г. Брюсов ведет напряженную писательскую и издательскую работу: выходят «Поэзия Армении» под редакцией Брюсова, «Египетские ночи», роман «Юпитер поверженный». Вероятно, работа над книгой о творчестве так и не была начата вплоть до конца 1917 г. С марта этого года писатель активно включается в работу Комиссариата по регистрации произведений печати [Орлова 2017].

Книга о Достоевском не имеет названия (в рабочем плане она озаглавлена как «Книга о Достоевском»). Брюсовым был составлен общий план издания:

План книги о Достоевском.

1. Введение – о задачах научной критики.
2. Типы Д. Перечень и классификация:
 - а) мужские; б) женские; в) национальности.
3. Идеи героев. Классификация и сопоставления.
4. *Modus operandi* (образ действия):
 - а) значащие мелочи;
 - в) сны и кошмары;
 - с) евангельские тексты;
 - д) нагнетение событий (см. особ. Подросток гл. VII, § II).
5. Одинаковые построения сопоставлений.

¹⁰ Брюсов В.Я. Собр. соч.: В 7 т. Т. 3. М.: Худ. лит., 1974. С. 613.

¹¹ НИОР РГБ. Ф. 386. К. 40. Ед. хр. 10. Л. 5.

6. Три плана в творчестве:

- а) внешний план: занимательность фабулы как соблазн для читателя;
- в) современность выведенных типов как соблазн для критиков;
- с) внутренних смысл:
 - α) идея сознательная для автора: идеал христианский;
 - β) идея не сознательная для автора: идеал языческий.

Выводы – о значении Достоевского для нашего будущего самосознания и для всего человечества¹².

В набросках, относящихся ко введению, Брюсов планировал определить задачи научной критики. Речь идет именно о научном исследовании, в результате которого планировалось представить научную классификацию типов персонажей Достоевского:

Предлагаемая работа примыкает к попыткам последнего времени – поставить критику на строго-научные основания. До сих пор, как известно, понятие критики было крайне растяжимо; критикой называлась семья разнородных писаний по поводу художественных произведений. В тех случаях, когда авторами были Белинский, Добролюбов, Чернышевский, Мережковский, такие писания нередко представляли выдающийся интерес и могли иметь большое значение. Но и в этих случаях критические статьи более говорили о мировоззрении самого критика, нежели объясняли данное литературное произведение¹³.

Брюсов ставит Мережковского в один ряд с Белинским, Добролюбовым и Чернышевским, что, вероятно, указывает на новаторский и предвзятый, по мысли Брюсова, характер исследований Мережковского. Е.А. Андрущенко отмечает, что Мережковский «обратился к Достоевскому за ответами на вопросы, которые ставила его собственная историософская концепция, прочел его произведения под таким углом зрения, чтобы сделать зримыми идеи, которые отвечали его своеобразным представлениям о “сверх-историческом” христианстве. Отсюда несомненная новизна оценок, верность сопоставлений, отсюда слабость и заданность некоторых выводов» [Андрущенко 2009, с. 2]. Еще в дневнике за 1899 г. мы находим запись: «Мережковский пишет о Толстом и Достоевском. Напрасно. Все, что он может сказать о них, им уже сказано»¹⁴.

¹² НИОР РГБ. Ф. 386. К. 40. Ед. хр. 10. Л. 5.

¹³ Там же. Л. 4.

¹⁴ Брюсов В.Я. Дневники... С. 93.

Брюсов указывает на необходимость включения индуктивного метода исследования с учетом как можно большего числа, судя по представленной классификации героев, текстов Достоевского:

Подлинно-научной критика станет лишь тогда, когда ее суждения будут логическим выводом из «художественных фактов» и ничем более. (Более подробно развивать эту линию – здесь не место). Но собирание и систематизация таких фактов едва начались во всех литературах (не только нашей, русской). Пока перед научной критикой стоит еще эта черновая работа, которой достанется на несколько, может быть, поколений, так как предстоит перестроить заново работу тысячелетий¹⁵.

Классификация типов в произведениях Ф.М. Достоевского первоначально намечена в общих чертах еще в XIX в. Н.А. Добролюбовым, А.А. Григорьевым, однако здесь Брюсов идет вслед за В.В. Розановым в сопоставлении героев на основе идей («навязчивых идей»), которые владеют персонажами. Третий пункт плана монографии Брюсова, не получивший дальнейшего развития, отсылает нас к работе Розанова «О происхождении некоторых типов Достоевского (Литература в переплетениях с жизнью)», опубликованной на страницах «Русского слова» в 1911 г. Розанов уверен, что будущий историк литературы при анализе должен предпринять следующие шаги: проследить

...единство некоторых идей, я сказал бы – «навязчивых идей», почти фантомов, которые владеют этими персонажами. <...> Например, в «Униженных и оскорбленных» есть поразительная фигура старого князя Вальковского¹⁶; чуть-чуть тут взято, может быть, от одного титулованного издателя – автора небольшого литературного органа, издающегося до сих пор, с которым соиздаательствовал в свое время Достоевский... Но гораздо более замечательны родство и близость этого князя Вальковского с Свидригайловым. А что Свидригайлов есть «Нехлюдов» Достоевского, то это видно из того, что не Свидригайлов написал, а Достоевский написал знаменитого «Бобка», – развратные и служебные разговоры покойников на Смоленском кладбище, что буква в букву повторяет кошмар Свидригайлова о том, что, может быть, «тот свет» похож на баню с пауками...¹⁷

Брюсов прямо указывает на актуальность классификации персонажей с учетом того, что они являются носителями определенных идей:

Моя задача – систематизировать эти типы, т. е. по возможности (сгруппировать) расположить их по внешним, бесспорным признакам в группы, что позволило бы подойти к оценке творчества Достоевского исходя из фактов и из точных цифровых данных. Но у Достоевского выведенные лица всегда являются носителями определенных идей. Поэтому к первой задаче естественно присоединяется вторая: систематизировать, также по внешним, бесспорно, признакам идеи Достоевского, поскольку они выражались в словах и поступках изображенного им лица¹⁸.

Традиционно принято считать, что формирование типологии героев художественного мира Достоевского относится к 20-м гг. XX в. (Л.П. Гроссман, В.Ф. Переверзев, Ю.Н. Тынянов, Б.М. Энгельгардт) [Макаричев 2016, с. 9], однако пристальное внимание и попытка классификации героев Достоевского не только Брюсовым, но и И.Ф. Анненским свидетельствует о более ранних попытках классификации (пусть и не осуществленных по различным причинам). Известно, что Анненский также имел намерение подготовить работу о творчестве Достоевского. В его фонде под заголовком «Достоевский. Лица» хранится список персонажей с характеристиками [Ашимбаева 2005]. Начало рукописи перекликается с идеей Брюсова. Анненский планировал классифицировать героев в том числе и по их «словам» («Типы и их генезис. Типы речей. Типы наружностей. Фантастическое у Достоевского. Связи фантастического с реальным: сон, сумасшествие, картины природы»¹⁹), что свидетельствует об однонаправленности критической мысли Брюсова и Анненского. Очевидно, что Брюсов, как и Анненский, предполагал описать произведения Достоевского как единую систему, относя персонажей к соответствующим типам.

Заключение

Осмысление Брюсовым творчества Достоевского обнаруживается на различных уровнях восприятия и анализа. Можно с уверенностью заключить, что изучение особенностей творчества

¹⁵ НИОР РГБ. Ф. 386. К. 40. Ед. хр. 10. Л. 4.

¹⁶ Вместо Валковский (Валковский П.А. – персонаж романа «Униженные и оскорбленные»).

¹⁷ Розанов В.В. О происхождении некоторых типов Достоевского (Литература в переплетениях с жизнью) // Розанов В.В. От Достоевского до Бердяева. Размышления о судьбах России. М.: Алгоритм, 2017. С. 168.

¹⁸ НИОР РГБ. Ф. 386. К. 40. Ед. хр. 10. Л. 5.

¹⁹ РГАЛИ. Ф. 6. Оп. 1 Ед. хр. Л. 2.

Достоевского стало особым фактором не только в выработке Брюсовым собственной поэтики, но и формировании его отношения к традициям поэтики писателей XIX в. Результатом анализа текстов Достоевского должна была стать работа, построенная на строго научных основаниях, однако замысел так и не был осуществлен. Брюсовым также предложена классификация персонажей (дана без комментариев к предложенной схеме²⁰), приложенная к проекту, описание которого может пролить свет на концептуальный подход писателя, однако такое описание – предмет отдельной работы.

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект 18-012-90027 «Ф.М. Достоевский в литературных и архивных источниках конца XIX – первой трети XX в.: критика, публицистика, эго-документы, научный дискурс».

Acknowledgements

This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project 18-012-90027 “F.M. Dostoevskii in Literary and Archive Sources of late 19th and the first third of 20th century. Criticism, publicism, ego documents, scholarly discourse”.

Литература

- Агеносов, Ломтев 1992 – Агеносов В.В., Ломтев С.В. В.Я. Брюсов и Ф.М. Достоевский (К постановке проблемы) // Брюсовские чтения 1986 года. Ереван: Айпетрат, 1992. С. 216–227.
- Азадовский, Максимов 1976 – Азадовский К.М., Максимов Д.Е. Брюсов и «Весы» (К истории издания) // Литературное наследство. Т. 85. М.: Наука, 1976. С. 257–324.
- Айхенвальд 1994 – Айхенвальд Ю.И. Силуэты русских писателей. М.: Республика, 1994. 589 с.
- Андрущенко 2009 – Андрущенко Е.А. Ф.М. Достоевский в творческом мире Д.С. Мережковского // Актуальні проблеми слов'янської філології. Серія: Лінгвістика і літературознавство. 2009. Вип. XX [Электронный ресурс]. URL: <http://dspace.nbuv.gov.ua/bitstream/handle/123456789/16562/19-Andrushenko.pdf?sequence=1> (дата обращения 19 декабря 2019).

²⁰ НИОР РГБ. Ф. 386. К. 40. Ед. хр. 10. Л. 2–3.

- Ашимбаева 2005 – *Ашимбаева Н.Т.* Достоевский в критической прозе И. Анненского // Достоевский. Контекст творчества и времени: Сб. статей. СПб.: Серебряный век, 2005. С. 213–224.
- Гречишкин, Лавров 1983 – *Гречишкин С.С., Лавров А.В.* Брюсов-новеллист // Брюсов В.Я. Повести и рассказы. М.: Советская Россия, 1983. С. 3–18.
- Захаров 1999 – *Захаров Е.Е.* Творчество Достоевского в русском литературно-критическом сознании начала XX в.: пути восприятия и осмысления: Дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1999. 217 с.
- Калениченко 2002 – *Калениченко О.Н.* Мотивы «Сна смешного человека» Ф.М. Достоевского в «Повести о Софронии любящем» В.Я. Брюсова // Пушкинские чтения–2002: Материалы межвуз. науч. конф. СПб.: Ленинградский гос. обл. ун-т им. А.С. Пушкина, 2002. С. 101–105.
- Литературное наследство 1991 – Литературное наследство. Т. 98. Кн. 1 / Отв. ред. Н.А. Трифионов. М.: Наука, 1991. 830 с.
- Макаричев 2016 – *Макаричев Ф.В.* Художественная индивидуология в поэтике Ф.М. Достоевского: Дис. ... докт. филол. наук. Магнитогорск, 2016. 521 с.
- Орлова 2017 – *Орлова М.В.* «Гражданин Брюсов». Неизвестные страницы биографии поэта в 1917 году // Брюсовские чтения 2016 года: Сб. статей. Ереван: Лингва, 2017. С. 206–216.
- Панченко 1992 – *Панченко И.Г.* Рассказ В.Я. Брюсова «Теперь, когда я проснулся» (Брюсов и Достоевский) // Брюсовские чтения 1986 года. Ереван: Айпетрат, 1992. С. 228–235.
- Шипунова 2011 – *Шипунова Н.Ф.* Басня Достоевского «Лев и Свинья» в поэтическом пересказе В.Я. Брюсова // Брюсовские чтения 2010 года: Сб. статей. Ереван: Лингва, 2011. С. 247–255.
- Юрьева 2003 – *Юрьева О.Ю.* Художественная эманация идей и образов Ф.М. Достоевского в русской литературе начала XX в.: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 2003. 528 с.

References

- Agenosov, V.V. and Lomtev S.V. (1992), “V.Ya. Bryusov and F.M. Dostoevskii (Statement of the Issue)”, *Bryusovskie chteniya 1986 goda* [The Bryusov Conference of 1986], Aipetrat, Erevan, Armenia, pp. 216–227.
- Aikhenval'd, Yu.I. (1994), *Silueti russkikh pisatelei* [Silhouettes of Russian Writers], Respublika, Moscow, Russia.
- Andrushchenko, E.A. (2009), “F.M. Dostoevskii in D.S. Merezhkovskii's Creative World”, *Aktual'ni problemi slov'yans'koï filologii. Seriya: Lingvistika i literaturoznaustvo* [Current Issues of Slavic Philology. Series: Linguistics and Literature Studies], no. 20, available at: <http://dspace.nbuv.gov.ua/bitstream/handle/123456789/16562/19-Andrushenko.pdf?sequence=1> (Accessed 19 December 2019).
- Ashimbaeva, N.T. (2005), “Dostoevskii in I. Annenskii's Critical Prose”, *Dostoevskii. Kontekst tvorchestva i vremeni* [Dostoevskii. Context of Art and Time. Collected Articles], Serebryanyi vek, Saint Petersburg, Russia, pp. 213–224.

- Azadovskii, K.M. and Maksimov, D.E. (1976), "Bryusov and "Vesy" (on the History of the Publication)", *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage], vol. 85, Nauka, Moscow, Russia, pp. 257-324.
- Grechishkin, S.S. and Lavrov, A.V. (1983), "Bryusov the Novelist", in Bryusov V.Ya., *Povesti i rasskazy* [Stories and Short Stories], Sovetskaya Rossiya, Moscow, Russia, pp. 3-18.
- Kalenichenko, O.N. (2002), "Motifs of F.M. Dostoevskii's 'The Dream of a Ridiculous Man' in V.Ya. Bryusov's 'Story of Sofronii the Loving One' ", *Pushkinskie chteniya–2002: Materialy mezhdvuzovskoi nauchnoi konferentsii* [The Pushkin Conference – 2002, Proc. of an inter-university conference], Saint Petersburg, Russia, pp. 101-105.
- Trifonov, N.A. (ed.) (1991), *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage], Vol. 98, part 1, Nauka, Moscow, Russia.
- Makarichev, F.V. (2016), Artistic Individual Studies in F.M. Dostoevskii's Poetics, Dr. of Sci. (Philology) Thesis, Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia.
- Orlova, M.V. (2017), "Citizen Bryusov. Unknown Pages from the Poet's Biography in 1917", *The Bryusov Conference of 2016*, Erevan, Armenia, pp. 206-216.
- Panchenko, I.G. (1992), "V.Ya. Bryusov's Story "Now That I have Awoken" (Bryusov i Dostoevskii)", *Bryusovskie chteniya 1986 goda* [The Bryusov Conference of 1986], Erevan, Armenia, pp. 228-235.
- Shipunova, N.F. (2011), "Dostoevskii's Fable "The Lion and the Pig" in V.Ya. Bryusov's Poetic Retelling", *Bryusovskie chteniya 1986 goda* [The Bryusov Conference of 1986], Erevan, Armenia, pp. 247-255.
- Yur'eva, O.Yu. (2003), Artistic Emanation of F.M. Dostoevskii's Ideas and Imagery in the Russian Literature of Early 20th Century, D. Sc. Thesis, Moscow, Russia.
- Zakharov, E.E. (1999), Dostoevskii's Works in the Russian Literary and Critical Conscience of the Early 20th Century. Methods of Perception and Understanding, Ph.D. Thesis, Saratov, Russia.

Информация об авторе

Наталья А. Дровалева, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия; 121069, Россия, Москва, ул. Поварская, д. 25а; n.drovaleva@mail.ru

Information about the author

Nataliya A. Drovaleva, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 25a, Povarskaya Street, Moscow, Russia, 121069; n.drovaleva@mail.ru